
УДК 316.77
ББК 60.524.224
В 68

О.А. Волосатова,

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский социальный институт», тел. 89054182778

Сетевое комьюнити как межкультурное диалогическое пространство (Рецензирована)

Аннотация. В статье содержится анализ интернет-сообщества как субъекта межкультурных коммуникаций, подчеркивается возрастающая роль виртуального пространства в качестве культуuroобразующего фактора. Автор ставит своей целью обнаружить новые возможности развития межкультурного диалога, осуществляемого посредством современных сетевых технологий.

Ключевые слова: сетевое комьюнити, виртуальное пространство, межкультурное взаимодействие, социокультурные компетенции, темпоральность, коммуникация, межкультурный интегративизм, глобализация, информационное общество.

O.A. Volosatova,

Post-graduate student of Department of Social Disciplines and the Humanities, the North Caucasian Social Institute, non-state educational institution of higher education, ph. 89054182778

Network community as intercultural dialogical space

Abstract. The paper provides an analysis of the Internet community as a subject of intercultural communications. The increasing role of virtual space as a culture-forming factor is emphasized. The author takes aim at finding new possibilities of development of the intercultural dialogue which is carried out by means of modern network technologies.

Keywords: network community, virtual space, intercultural interaction, sociocultural competences, temporality, communication, intercultural integrativism, globalization, information society.

Вряд ли кто-то сегодня возьмется отрицать тот факт, что в современном мире сформировалась и активно действует глобальная виртуальная структура, определяемая как интернет-сообщество. Появление указанного феномена не осталось незамеченным научным сообществом, которое, не ограничиваясь реализацией отдельных исследовательских проектов, уже приступило к созданию полномасштабных сетевых теорий[1].

Даже поверхностный анализ работ, тематизирующих сетевое комьюнити, позволяет увидеть в нем одновремен-

но как сосредоточение серьезных проблем, так и пространство неограниченных возможностей. Действительно, с одной стороны, сетевые акторы представляют наиболее креативную, социально активную часть общества, способную позитивно влиять на развитие последнего, а с другой — отдельные интернет-группы являют собой довольно агрессивную, нетерпимую к чужому мнению, сектантски замкнутую деструктивную среду. Впрочем, при всем разнообразии отношения к субъектам виртуального пространства, ясно одно — сетевое комьюнити относится

к числу закономерных реалий информационного общества и явлений генетически соответствующей ей информационной культуры. Данный тезис позволяет нам поместить сетевые коммуникации именно в поле возможностей, выявить их потенциал в решении задач сближения культур и повышения общего уровня толерантности.

Одним из бесспорных достоинств сетевого комьюнити выступает его индетерминированность, быстрота реакции на возникающие проблемы, предрасположенность к диалогической интеракции. В этом смысле участие в сетевых структурах можно рассматривать как способ социализации, как инструмент интеграции человека в информационное общество, как условие адаптации к постоянно увеличивающимся информационным потокам. Внутрисетевое общение не только стимулирует поиск собственной идентичности, но и делает менее «болезненной» переоценку ценностей, расширяет социокультурные горизонты.

Одновременно сетевое сообщество продуцирует «новый» язык в качестве средства межкультурной коммуникации в условиях наступления глобализации. Прежде всего речь идет о разработке таких дискурсивных практик, которые были бы адекватны трансформировавшейся социальной онтологии и которые могли бы стать средством самоописания для виртуального пространства как такового. Не останавливаясь подробно на рассмотрении природы лингвистических инноваций, отметим только, что язык, используемый для общения в Интернете, во многом утрачивает субъект-объектную дифференцированность, перестает быть носителем объективистских коннотаций, оставаясь при этом вместилищем смыслов.

Одной из особенностей сетевой вербальности является то, что концепты виртуального комьюнити адогматичны, мобильны и подвержены т.н. смысловой «инфляции». В чем-то они близки тому, что подразумевают под бодрийаровскими симулякрами, благодаря которым становятся возможными

«взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на всех уровнях значения» [2]. Проникая в межкультурный коммуникативный дискурс, данные концепты не позволяют декларировать чье-либо культурное превосходство, они артикулируют условность и относительность культурных ценностей, продуцируют императивы плюрализма и терпимости ко всему иному. Это язык именно постиндустриального общества, язык обитателей маклюэновской «глобальной деревни», пришедшей на смену «эре Гуттенберга».

Дальнейшее укрепление и расширение сетевого сообщества со временем вполне может превратить его в один из важнейших факторов, определяющих тренд цивилизационного развития в целом. Сказанное в полной мере относится и к перспективам взаимодействия культур друг с другом. Несмотря на то, что в настоящее время отдельные этнокультурно окрашенные Интернет-форумы и становятся ареной раздора и взаимных обвинений, будущность межкультурного интегративизма видится весьма обнадеживающей. К такому выводу нас приводит эмпирически очевидный факт геометрически увеличивающейся аудитории активных пользователей Интернета, равно как и повышение доступности сетевых ресурсов. Вне зависимости от позиции отдельных блогеров или веб-сайтов, расширение виртуального пространства, включение в его сферу новых регионов и социальных групп уже само по себе способно уравнивать шансы цивилизационного развития, предельно сблизить и даже в какой-то степени унифицировать разрозненные культуры, преодолеть асинхронизм в их динамике, заложить основы для создания общей ценностной базы.

Кроме того, технологические и коммуникативные возможности всемирной сети способны придать дополнительный импульс модернизационным процессам. Победа в т.н. «темпоральной

гонке», гонке со временем перестает быть делом добровольного выбора, но приобретает директивный характер. Социокультурный как, впрочем, и любой другой изоляционизм невозможен в ситуации, когда инноватика становится императивом, реализуемым исключительно в рамках межкультурной кооперации. Следует отметить, что именно Интернет выступил законодателем «моды» на инновации во всех сферах жизнедеятельности социума: политике, экономике, социальной жизни, искусстве.

Участие в сетевых коммуникациях обуславливает возникновение у их субъектов определенных социокультурных компетенций, необходимых для успешной самореализации в инокультурной среде. В первую очередь сказанное касается специалистов, занятых в сфере умственного труда, так или иначе относящихся к т.н. «индустрии познания», для которых принадлежность к сетевому комьюнити столь же органична, сколь и необходима. Получаемый сетевым актором информационный контент включает в себя две главные составляющие: собственно профессиональные знания и знания, относящиеся к культуре в самом широком смысле этого слова. Вырабатываемая и усваиваемая в «онлайновом» режиме информация впоследствии распространяется в «офлайновых» коммуникативных средах.

Возникновение и неуклонное расширение сетевых сообществ представляет собой вполне естественный и закономерный процесс, не содержащий в себе никаких фатальных угроз и вполне укладывающийся в логику развития научно-технического прогресса. Максимум, о чем может идти речь, так это о новой коммуникативной модальности и новых перспективах информационного обмена.

Нет никаких сомнений в том, что к настоящему времени продуцируемое Интернетом виртуальное пространство трансформировалось в одну из полноценных общественных подсистем с собственным социокультурным функционалом. Подобно тому, как товарно-

денежные отношения превратили экономикку в подсистему современного общества, а демократия такой подсистемой сделала политику, появление Интернета обусловило дальнейшее усложнение общественной структуры, введя в ее состав сетевое комьюнити со своими специфическими формами интеракции. Причем информативная и коммуникативная составляющая всемирной сети обнаруживают свое функциональное единство, что крайне важно как для получения необходимых социокультурных компетенций, так и для их практического применения в повседневном межкультурном общении.

Указанное единство — это то, что отличает информационный продукт, производимый Интернет-средой, от информационного продукта традиционных масс-медиа. Последний лишен субъектности, он исключен из системы «обратной связи» и оказывает исключительно одностороннее воздействие на свою аудиторию. Получатель традиционного медийного контента является пассивным его пользователем, который он не может достаточно надежно апробировать в процессе непосредственного общения со своими инокультурными контрагентами, а следовательно, не может и своевременно содержательно его скорректировать.

Впрочем, в остальном мы можем констатировать тождественность их социального функционала, главная особенность которого состоит в ротации информационного контента, в его обновлении и самовозмещении. Иными словами, речь здесь идет о типовой модели, лежащей в основе любого социального механизма. Продолжая развивать высказанную выше мысль относительно идентичности функционирования всех без исключения общественных подсистем как механизма возмещения и воспроизводства (семья — способ возмещения естественной убыли населения, образование — способ воспроизводства специалистов и т.п.), позволим себе опереться на известную параллель Н. Лумана, существующую, по мнению последнего, между финансами и информацией. Луман замечает: «Аналогично

тому, как экономика, обособившаяся на основе денежных платежей, порождает потребность возместить потраченные деньги, так и масс-медиа производят потребность замещать избыточную информацию на информацию новую: *fresh money and new information* — вот центральные мотивы современной общественной динамики» [3].

Одновременно мы можем рассматривать сетевое комьюнити как параллельную общественную структуру, во многом свободную от государственного или иного принудительного влияния, от того, о чем можно говорить как о культурно-предписанном. И дело здесь не только в простой автономии виртуального сообщества, которое практически невозможно контролировать, но и в том перехвате инициативы, связанной с присвоением функций контроля, что осуществило сетевое комьюнити. Так, если в традиционном обществе носитель власти являл собой сакральную, идеальную фигуру, то в современном социуме государственный деятель, равно как и любая публичная персона, есть, в первую очередь, предмет перманентной критики и открытых обсуждений, человек, лишенный монополии на истинность позиции в социокультурном дискурсе, чьи представления относительно способа реализации социальной практики в обязательном порядке становятся темой для дискуссий.

Более того, формализованные органы власти все активнее вытесняются неформальными структурами влияния, к числу которых, вне всякого сомнения, принадлежит и сетевое комьюнити. Именно последнему мы обязаны резкой минимизацией этатистского присутствия в жизни современного социума. В этом смысле сетевое комьюнити предстает в виде своеобразного «буфера», демпфирующего воздействие властных институтов, что, в конечном итоге, обуславливает их латентность. Социологическую картину существующего положения дел достаточно наглядно изобразил Э. Гидденс, следующим образом охарактеризовавший принцип властного воздействия в современном обществе: «Существование

власти предполагает наличие властных структур или структур господства, посредством которых власть, «плавно втекающая» в процессы социального воспроизводства (и остающаяся «незамеченной»), функционирует и оказывает свое воздействие» [4].

Трудно переоценить роль сетевого сообщества в качестве социального диагноста, фиксирующего как «здоровье» социума, так и поразившие его «недуги». При этом социальные проблемы не просто констатируются, но и активно обсуждаются на разного рода дискуссионных Интернет-площадках. Благодаря бесконечной пространственно-временной пролонгированности виртуального пространства, обеспечивается перманентное присутствие проблемы в эпицентре общественного внимания, что обуславливает ее переадресацию структурам власти, причем зачастую уже в виде готового решения.

Таким образом, мы имеем вполне апробированную модель преодоления социокультурной деструкции, чья реализация происходит при непосредственном участии сетевого сообщества. Ее алгоритм может быть представлен следующим образом:

- возникновение проблемы и ее локализация на конкретно-эмпирическом уровне;
- инфильтрация проблемы в виртуальное пространство;
- ее конституирование в качестве предмета рефлексии сетевого сообщества;
- выработка общего понимания сути проблемы сетевым комьюнити и формулирование перспектив ее решения;
- возвращение продукта сетевой интеракции в эмпирическое пространство и его переадресация властным структурам и общественным институтам;
- институциональное освоение разработанного интернет-сообществом интеллектуального продукта и его включение в непосредственную практику социального управления.

Представленная нами модель является формализацией рассуждений

Н. Лумана, который на примере такого заболевания, как СПИД, рассмотрел действие механизма трансформации помещенной в медийное пространство социальной проблемы. Согласно Луману: «Такая тема, как СПИД не является собственным продуктом масс-медиа. Они лишь подхватывают ее, затем, однако, рассматривают ее под таким углом и подвергают такому тематическому развитию, которое не может быть объяснено на основе результатов медицинских исследований и коммуникаций между врачами и пациентами. Публичная рекурсивность обсуждения темы, предпосылки предварительного знания и потребности в дальнейшей информации суть основные и типичные продукты, условия продолжения массмедийной коммуникации; и эта гарантированность публичной рекурсивности затем, со своей стороны, делает возможным обратное воздействие на коммуникации во внешнем мире масс-медиа, например, на медицинские исследования или на планирование фармацевтической индустрии, которая в результате политически организованных, обязательных медицинских исследований может достигать миллиардных оборотов»[5].

Впрочем, проведение прямых аналогий пространства Интернета и его субъектов с традиционными масс-медиа и их референтными группами вряд ли будет оправдано. С точки зрения катализации культуuroобразующих процессов у первых есть как минимум одно неоспоримое преимущество: они в гораздо меньшей степени подвержены манипулятивному влиянию как со стороны массовой культуры, так и со стороны такой ее ипостаси, как потребительская культура. Не в последнюю очередь это обусловлено «пассивным», менее агрессивным воздействием интернет-рекламы, взаимодействие с которой носит скорее «добровольный», чем «принудительный» характер. Если, например, телереклама оказывается непосредственно имплантированной в соответствующий культурный продукт, периодически замещая его, то реклама глобальной сети не разрушает смысло-

вой целостности основного смыслового контента, а обращение к ней, представленное в качестве «клика» на ту или иную ссылку, является абсолютной прерогативой интернет-пользователя.

Помимо уже сказанного, нельзя забывать и о том, что реклама, адресованная телеаудитории, лишена обратной связи. Здесь должно позиционироваться как сущее, и никакие утверждения обратного в принципе невозможны. Это резко контрастирует с положением дел на коммуникативном пространстве локализации Интернета, где любой потребительский продукт неизбежно становится предметом обсуждений и даже квалифицированных экспертных оценок. Тем самым снижается накал «потребительской гонки», поскольку товары неизбежно утрачивают тот символизм и ту знаковость, которыми наделяет их реклама. В конечном счете приобретение того или иного товара оказывается мотивированным не его виртуальными характеристиками или полубессознательными аналогиями, а трезвым расчетом и реальными потребностями. Можно сказать, что интернет-рекламе противостоит спонтанно возникающая контрреклама, не только существенно понижающая «градус» потребления, но и культивирующая альтернативные потребительским ценности.

Целостность, завершенность и «полнота» рекламного дискурса в традиционных СМИ обнаруживает, благодаря включенности в систему «обратной связи», своего рода «лакуны» при его привязке к интернет-пространству. Тем самым, во многом оказываются утраченными его директивность и безусловность. В первую очередь сказанное относится к разрушению символической стратификации, в рамках которой обладание тем или иным набором вещей ассоциируется, в процессе самоидентификации личности, с ее ролевой или статусной принадлежностью. Преимущественно коммуникативный характер интернет-сообщества формирует такой тренд, в рамках которого социокультурная идентичность достигается не «вещным» обладанием, не участием в процессе потребления,

---

а приверженностью определенным императивам и ценностям, определенным мировоззренческим установкам. Участник интернет-комьюнити признается своим отнюдь не по признаку своего материального благополучия. Зачастую это аноним, идентификация которого происходит по принципу дискурсивной индикации, а не в силу «тиранического диктата вещей» (Ж. Бодрийяр).

Развитие межкультурного диалога в сетевом пространстве происходит на фоне неизменного возрастания степеней свободы их субъектов. Виртуальная среда как никакая иная создает условия для самореализации личности в желаемом для нее направлении. Свобода от любой эмпирической зависимости имеет своим следствием не только внутреннее раскрепощение личности, но и признание аналогичного права на свободу и за другими субъектами межкультурной интеракции.

Разумеется, для нас небезынтересен вопрос, как участник интернет-комьюнити распорядится обретенной свободой: пойдет ли он путем «упрощения» поля культуры или предпочтет ее «цветущую сложность» (К. Леонтьев)? Однозначного ответа здесь быть не может. Однако, опираясь на некоторые косвенные признаки, мы можем сделать свои выводы. С одной стороны, информатизация современного социума ведет к его глобализации, а значит, и к социокультурной унификации. Но при этом не следует забывать и о том, что глобализация — это не только некий культурный монизм, но и возможность приблизить все существующие в современном мире культурные модели друг к другу. Это своеобразное расширение ассортимента культурного продукта, расширение узких горизонтов отдельно взятого этнокультурного «гетто», это новые коммуникативные возможности и новые перспективы для творчества.

Впрочем, было бы ошибочным полагать автоматическое предпочтение более сложных образцов культуры более примитивным. Данный выбор будет во многом зависеть от того, насколько успешно пойдет процесс «интернет-социализации». Введение понятия

«интернет-социализации» требует некоторой экспликации, прежде всего в той части, где артикулируется его нередуцируемость к простой компьютерной грамотности или овладению соответствующими технологиями. Не вдаваясь в подробности, обозначим лишь самые основные измерения указанной разновидности социализации.

Прежде всего речь может идти о т.н. «психологическом измерении», содержащем в себе требования к психофизиологическому состоянию сетевого комьюнити. Это и психологическая устойчивость пользователя Интернета, открытость, готовность к общению, свобода от «интернет-зависимости», разумный баланс между «онлайн» и внесетевыми практиками.

Еще большее значение для успешной «интернет-социализации» имеет ее этическое измерение. Последнее включает в себя признание принципа равенства всех культур, толерантность, межкультурный солидаризм, приверженность гуманистическим идеалам. Не допуская мысли о введении какой-либо внешней цензуры в сети Интернет, укажем, тем не менее, на необходимость самоконтроля для сетевого актора. При этом следует помнить и о тех изменениях, которые произошли в сфере эстетического восприятия под влиянием распространения интернет-культуры. Констатацию подобных изменений мы встречаем у Н.Б. Маньковской, которая не только признает их наличие, но и указывает когнитивное пространство соответствующих изысканий. «Анализ специфики виртуальности, — подчеркивает Маньковская, — в различных видах и жанрах искусства приводит к выводу о вызванных ею существенных трансформациях эстетического восприятия. Именно восприятие, а не артефакт, процесс, а не результат сотворчества оказываются в центре действия, а следовательно, и теоретических интересов»[6]. Примечательно, что цитируемый нами автор настаивает на комплексном характере поднятой проблематики виртуального, в рамках которой «наиболее значимыми представляются процессы виртуализа-

---

ции психологии восприятия: флуктуация, иммерсия, конструирование, навигация, персонификация, имплозия, адаптация»[7]. И, наконец, третье измерение «интернет-социализации» было бы уместно назвать «компетентным». Понятие компетентности подразумевает *ad hoc* достаточный общеобразовательный уровень, необходимую гуманитарную подготовку, социокультурную информированность, знание собственных традиций и культурного наследия, системность познания, аналитические навыки, включенность в процесс непрерывного образования.

Бесспорным гарантом успешного ведения межкультурного диалога является факт одновременной принадлежности каждого актора интернет-среды не только к своей собственной культурной традиции, но и к общей для всех виртуальной культуре. Любой участник сетевых коммуникаций оказывается глубоко интегрированным в сложную неравновесную систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга компонентов. Дискретность культур в «офлайне» преодолевается их континуальностью в Интернете. Законы виртуальности позволяют сосуществовать таким бинарным оппозициям, как традиция и новация, Восток — Запад, историческая память и антиципативные устремления и т.п.

Сетевое комьюнити продемонстрировало способность наделять атрибутивностью диалогизма любую из существующих ныне культур. Интернет поставил под сомнение жизнеспособность и конкурентоспособность той культуры, которая не в состоянии включиться в диалогическое общение с иными культурными традициями с целью обретения взаимопонимания и взаимного обогащения. Логика развития современных сетевых коммуникаций подтвердила правильность вывода, сделанного двадцать лет назад, то есть еще в «доинтернетовскую» эпоху. Суть вывода состоит в том, что «в современную эпоху не может оставаться локальной и замкнутой ни одна из прежде самостоятельных культур, ни один из прежде живших народов»[8].

Общность самых разнообразных культур, опосредованно подтверждаемая историческими данными или результатами сравнительного языкознания, демонстрируется в настоящее время успешным развитием интернет-общения. Существенно облегчены процедуры культурных заимствований. То, на что ранее требовались десятки, а то и сотни лет, происходит «здесь и сейчас». Если в прошлом любое заимствование в сфере культуры проходило стихийно, а его последствия трудно поддавались прогнозированию, то теперь оно является преимущественно продуктом тщательной селекции, прошедшей, при этом, всестороннюю апробацию.

Еще одной особенностью современного межкультурного интегративизма является расширение его темпоральных рамок. Традиционный межкультурный диалог мог вестись исключительно между теми или иными культурными параллелями в модусе синхронии. Теперь же технологические возможности виртуальности позволили регенерировать культуры прошлого во всем их многообразии. Процесс культурного взаимообогащения перешел на новый уровень, приняв форму диалога между прошлыми и настоящими культурами. Одновременно ведется интенсивный поиск, связанный с моделированием культуры будущего, представленной как неотъемлемая часть общего культурного континуума.

В заключение остановимся на еще одном принципиальном для нас моменте. Наше глубокое убеждение состоит в том, что каждый новый участник сетевого комьюнити не может представлять собой некую *tabula rasa*, культурный контент которой есть продукт исключительно онлайн-коммуникаций. Вне всякого сомнения, должны иметь место некая пропедевтика, сопричастность неким культурным пролегоменам, что достигается в процессе традиционного приращивания социокультурного знания до и вне зависимости от сетевых коммуникаций. Ничто так не способно повысить продуктивность межкультурного диалога, как изначальное знание партнера, как то, что определялось Аристотелем в качестве «радости узнавания».

Примечания:

1. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социс. 2011. №8.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 55.
3. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 38.
4. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005. С. 355.
5. Луман Н. Указ. соч. С. 24.
6. Маньковская Н. Б. Виртуалистика: художественно-эстетический аспект. М., 2004. С. 337.
7. Там же. С. 338.
8. Белый В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. №1. С. 129.

References:

1. Maltseva D.V., Romanovsky N.V. On modern network theories in sociology // Sotsis. 2011. No. 8
2. Baudrillard J. Symbolical exchange and death. M., 2000. P. 55.
3. Luhmann N. The reality of mass media. M., 2005. P. 38.
4. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. M., 2005. P. 355.
5. Luhmann N. Mentioned work. P. 24.
6. Mankovskaya N.B. Virtualistics: artistic and esthetic aspect. M., 2004. P. 337.
7. Ibidem. P. 338.
8. Bely V. «Postmodern». Genealogy and the meaning of one disputable concept // Put. 1992. No. 1. P.129.